

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ШОПЕНГАУЭРА В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Пушкина Татьяна Сергеевна
(Tatya.liberty@mail.ru) Студентка ЭОБ21Э
группы, Мичуринского государственного
аграрного университета г. Мичуринск, Рос-
сийская Федерация

Ременец Ольга Михаловна – доцент кафед-
ры социально-гуманитарных дисциплин
Мичуринского государственного аграрного
университета.

Аннотация:

В данной статье рассматриваются сходства и различия философского учения А. Шопенгауэра и Л.Н. Толстого, а также основные положения их метафизики и этики.

Ключевые слова: Философия, А. Шопенгауэр, Л.Н. Толстой, воля, страдание, «Анна Каренина».

Артур Шопенгауэр был очень популярен среди интеллигенции в России во второй половине девятнадцатого века. Им увлекались А. Фет, И. Тургенев. Философия А. Шопенгауэра нашла отражение и в творчестве Л.Н. Толстого.

Писатель выписал все сочинения немецкого философа и сначала испытывал перед ним настоящий восторг. В романе «Анна Каренина» мы видим некоторое сходство, но не полное тождество философии Толстого с метафизикой Шопенгауэра. После окончания романа Толстой пишет Страхову, что идеализм Шопенгауэра «ложный», а сам философ – «талантливый пачкун» [1,с.105]

Таким образом, отношение Толстого к Шопенгауэру менялось в процессе работы над «Анной Карениной». Поэтому в романе можно найти не только общее с А. Шопенгауэром, что исследователями уже давно доказано. Гораздо интереснее, нам кажется, проследить полемику, которую ведёт великий писатель на страницах своего романа с известным философом.

Рассмотрим сначала сюжетную линию Левина. Он любит Кити, и в конце концов скоро должна состояться их свадьба. Константин испытывает чувство счастья и одновременно – скуки. Согласно учению Шопенгауэра, мировая воля есть воля к жизни, а жить – значит желать. После исполнения желания человеком овладевает скука. Левин достиг своей цели, скоро он соединится с Кити – и им овладевает скука. Далее мотив скуки не развивается по отношению к Левину, но он отчетливо звучит в связи с образом Вронского. Когда желание соединиться с Анной сбывается, и он уезжает с ней за границу, им овладевает сильная скука. Поведение Вронского Толстой сравнивает с поведением «голодного животного», которое «...хватает всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нем пищу, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины». [2,37]

Метафора «голод» заставляет вспомнить слова Шопенгауэра о вечно «голодной воле», которые, надо полагать, стали источником этой метафоры. «Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска», – пишет Толстой о Вронском. [2, с.37] «Ненасытная воля жаждет жить, желать».

«Всякое удовлетворение, — говорит немецкий философ скептицизма, — или то, что обычно называют счастьем, в действительности всегда имеет лишь отрицательный, а не положительный характер. Это не изначальное и по собственному почину посещающее нас счастье: это всегда удовлетворение какого-нибудь желания. Но удовлетворение кладет конец желанию, и, следовательно, наслаждению. Поэтому удовлетворение или счастье никогда не может быть чем-нибудь иным, кроме освобождения от горести, от нужды: ибо к последней относится не только всякое действительное, очевидное страдание, но и всякое желание, настойчивость которого нарушает наш покой, — сюда относится даже убийственная скука, которая делает нам жизнь в тягость» [6,с.329]

Шопенгауэр писал: «Воля так же не может после какого-нибудь удовлетворения перестать постоянно желать вновь, как время не может кончиться или начаться: длительного, полностью и навсегда удовлетворяющего ее осуществления для нее не бывает». [6,с.309] Также он определял: «...ненасытность индивидуальной воли, в силу которой всякое удовлетворение порождает новое желание». [7,с.222] Согласно Шопенгауэру, жизнь постоянно обманывает нас, достижение желаемого не приносит ожидаемого счастья, удовлетворения, наступает разочарование. Именно это произошло с Вронским за границей, о нем Толстой пишет: «Он скоро почувствовал, что осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал» [2,с.37]

Отголоски схемы желание – исполнение желания – разочарование (жизнь обманывает наши мечты) можно видеть и в том, что, женившись, Левин обнаруживает, что «тот медовый месяц..., от которого, по преданию..., ждал Левин так много был не только не медовым, но остался в воспоминаниях их обоих самым тяжелым и унижительным временем их жизни». [2,с.57] В целом же следует сказать, что шопенгауэровская схема, о которой шла речь, далека от преобладания в романе.

Сюжетные линии Анны и Левина параллельны в романе, но Каренина гибнет, а Левин спасается. В чем разница между ними?

Шопенгауэр считает сострадание основой морали. В романе именно под влиянием сильнейшего чувства сострадания к страдающим Анне и Вронскому Каренин совершает высоконравственный поступок – прощает свою жену. Но в конечном итоге этот поступок и пережитые чувства не оказывают решающего воздействия на его внутреннюю жизнь.

К состраданию оказываются способны почти все основные персонажи романа, но их соответствующие переживания не имеют каких-либо серьезных последствий для внутреннего мира героев. Одного лишь сострадания оказывается недостаточно для духовного прозрения. Хотя по Шопенгауэру, сострадающий человек перевоплощается в другое страдающее «я», благодаря чему происходит открытие тождества этого «я» с ним самим. В результате происходит открытие тождества всех людей и осознание их единства. К человеку приходит понимание того, что наносить вред другим – это все равно что наносить вред самому себе.

Такое открытие совершает Левин, но лишь по отношению к своей жене, испытав во время родов очень сильное чувство сострадания к ней. Толстой пишет: «он теперь не знает, где кончается она и начинается он». [2,с.55] Он понял, что Кити была он сам, «...что это он сам нечаянно ударил себя...». [2,с.56] Но Левин не распространяет свое открытие на всех людей. То, что для Толстого другой человек во многом есть он сам, свидетельствует следующее место из его письма: «Человек судит о самом себе, когда судит о человеке». [4,с.346]

Но последним толчком для активизации размышлений Левина о жизни стало зрелище рождения человека. Во время родов жены, сострадая ей, Левин делает и другое открытие. Толстой пишет: «Он знал и чувствовал только, что то, что совершалось, было подобно тому, что совершалось год тому назад в гостинице губернского города на одре смерти брата Николая. Но то было горе, – это была радость. Но и то горе и эта радость были в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее. На ее лице была та самая перемена от земного к неземному, которая бывает на лице покойников; но там прощание, здесь встреча». [2,с.304]

Итак, под влиянием сильнейшего потрясения от зрелища смерти и рождения человека, а также чувства сострадания Левин начинает активный духовный поиск.

В процессе работы над «Анной Карениной» перед Толстым встает вопрос о смысле жизни. В своей переписке он пишет о том, что должен либо признать, что видел до сих пор смысл жизни не в том, в чем он заключается, либо признать, что жизнь бессмысленна. В конце концов Толстой отвергает мысль об отсутствии смысла жизни. Поэтому в первую очередь он не может принять философию Шопенгауэра, из которой объективно следует вывод: смысла в жизни нет.

Но, как мы уже говорили, этику немецкого философа Толстой не отвергает.

Для Толстого и Шопенгауэра добро очень часто неразумно, в отличие от зла и порока. Левин размышляет: «Если добро имеет причину, оно уже не добро; если оно имеет последствие - награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро вне цепи причин и следствий».[5,с.377]

Шопенгауэр полагает, что, если добро имеет в виду награду или кару, оно эгоистично, то есть не есть добро. Подлинное бескорыстное добро само себе причина, то есть, как и у Толстого, добро находится вне цепи причин и следствий.

Мы должны говорить о влиянии Шопенгауэра на Толстого в области этики. Но далее указанных схождений Толстой не идет вслед за Шопенгауэром. Он не требует от человека отречения от воли, воплощенной в нем, так как на место мировой воли Толстой ставит бога и не может потребовать отречения от бога.

Литературовед Борис Михайлович Эйхенбаум считает, что в основе романа лежит представление о любви как о стихийной силе, как о слепом инстинкте, которому невозможно сопротивляться. При этом он отмечает, что у Шопенгауэра любовь – половой инстинкт для продолжения рода, требование воли. Постараемся конкретизировать и уточнить положение Эйхенбаума.

Кити кажется, что «что-то ужасное и жестокое» есть в прелести влюбленной Анны. «Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней»– говорит себе она. [3,с.96]. В романе настойчиво проводится мотив «другая Анна». Однажды, глядящему на Анну Вронскому мерещится: «Она, настоящая Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой он не любил и боялся». [3,с.140]

Получается, что есть две Анны: одна настоящая и «другая», и именно «ненастоящая» Анна полюбила Вронского. Толстой пишет: «Он увидел ее всю во время болезни, узнал ее душу, и ему казалось, что он никогда до тех пор не любил ее. И теперь-то, когда он узнал ее, полюбил, как должно было любить...» [3,с.455] Получается, что есть две любви: одна «как должно» и «другая».

Обратимся к Шопенгауэру. «Истинная любовь есть сострадание» [6,с.320]– утверждает немецкий философ. В романе так любит прежде всего Левин. Но есть и другая любовь, согласно Шопенгауэру.

Кроме индивидуальной воли личности есть воля рода, в которой выражается воля к жизни. Она стремится к своей эгоистичной цели – созданию нового индивида для обеспечения «состава нового поколения». В каждом отдельном случае для этой цели подходят лишь две человеческие индивидуальности определенного типа. При их встрече в жизни между ними возникает сильнейшее влечение друг к другу, осознаваемое ими как любовь. Воля рода покоряет себе индивидуальную волю человека. Думая, что он преследует свои индивидуальные цели, человек на самом деле преследует цели рода, человек более не принадлежит самому себе. Примерно так ведет себя в любви к Вронскому Анна, а Шопенгауэр сравнивает стихию рода с демоном.

В доказательство нашего утверждения приведем цитату. Из нее видно, что Анна ощущает свою любовь как внешнюю по отношению к ней силу: «Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее». [3,с.164] Одним словом, «ненастоящая» Анна – это Анна, покоренная стихией

рода, служащая ей. Вронский после того, как цель рода была достигнута, родился ребенок, полюбил Каренину уже другой любовью. Анна остается прежней. Таким образом, в отношениях между полами Толстой различает любовь-похоть, так любят в романе Стива Облонский и Бетси Тверская, обыкновенную человеческую любовь, которой любят Кити и Левин, Вронский после рождения ребенка, и любовь как покорение волей рода.

Шопенгауэр пишет: «Всякая любовь, которая не есть сострадание, – это себялюбие».[6,с.320]Согласно утверждению Шопенгауэра, Анна обнаруживает: «Моя любовь делается страстнее и себялюбивее». [2,с.358]Ее сострадание теперь обращается на саму себя, а не на других.

В конечном итоге Анна начинает видеть мир во многом глазами Шопенгауэра и приходит к самоубийству. Итак, сюжетная линия Анны в своей основе развивается согласно учению Шопенгауэра, и суть полемики Толстого с немецким философом можно сформулировать так: философия Шопенгауэра – это во многом путь к самоубийству, к которому Шопенгауэр относился положительно.

Итак, в заключение можно сказать, что метафизика Шопенгауэра и Толстого имеют общие черты, что обусловило активное принятие Толстым теории немецкого философа. Мы рассмотрели сходства, существующие между этикой Толстого, как она изложена в «Анне Карениной», и этикой Шопенгауэра. Любовь Анны и Вронского – это любовь, определяемая волей рода, описанная в главе «Метафизика половой любви» во втором томе «Мира как воли и представления». Но в конечном итоге Толстой не может принять учение Шопенгауэра, так как оно утверждает бессмысленность жизни, что неприемлемо для Толстого, ищущего именно смысл человеческого существования.

Список литературы:

1. Толстой, Л.Н. ПСС: в 90 тт., т.64, М., 1928-1958.
2. Толстой, Л.Н. ПСС: в 22 тт., т.9, М., «художественная литература», 1982.
3. Толстой, Л.Н. ПСС: в 22 тт., т.8, М., «художественная литература», 1982.

4. Толстой, Л.Н. ПСС: в 90 тт., т.61, М., 1928-1958.
5. Толстой, Л.Н. ПСС: в 90 тт., т.19, М., 1928-1958.
6. Шопенгауэр А. Собр.соч.: в 6 - тт., т.1. М., 1999-2001.
7. Шопенгауэр А. Собр.соч.: в 6 - тт., т.5. М., 1999-2001.

A REFLECTION OF THE PHILOSOPHY OF SCHOPENHAUER IN THE NOVEL L. N. TOLSTOY "ANNA KARENINA»

Pushkin's Tatyana Sergeevna

(Tatya.liberty@mail.ru)

Student of EOB21E group,

Michurin state agrarian University

Michurinsk, Russian Federation

Remenets Olga Mikhailovna –

associate Professor of social Sci-
ences and Humanities

discipline of Michurinskiy state

agricultural University.

Comment: This article discusses the similarities and differences of philosophical teachings of A. Schopenhauer and L. Tolstoy, as well as the main provisions of their metaphysics and ethics.

Key words: Philosophy, A. Schopenhauer, L. N. Tolstoy, will, compassion, Anna Karenina.